

Человек, не перегоревший в аду собственных страстей, не может их победить.

Карл Юнг

ПРОЛОГ

В надменном, стоящем особняком доме, который, не желая отставать от своих не менее щеголеватых соседей по Холланд-Парк-авеню, возвышался на четыре этажа и был отделен от прочих гравийной подъездной дорожкой и металлической оградой, Томас Ламарк, как и каждое утро, в точно определенное (до наносекунд) время — ровно в десять часов тридцать минут — принес завтрак своей матери.

Тридцатисемилетний Томас был очень хорош собой: рост шесть футов и шесть дюймов, привлекательная внешность и обаятельная улыбка. Сейчас Томас был облачен в шелковый халат из модного лондонского магазина «Либерти» и кожаные тапочки от «Гуччи»; посверкивая золотым «Ролексом» на запястье, он распространял запах одеколона «Живанши». Томас намеренно надел халат на голое тело: его матери было приятно осознавать, что у него под тонким шелком ничего нет.

На серебряном подносе стоял изящный чайник из тончайшего фарфора с заваренным чаем одного из самых лучших и дорогих сортов, а рядом — чашка и блюдце из того же сервиза. На подносе лежали свежий номер «Таймс» и одна белая, еще влажная от росы роза, которую Томас только что срезал в саду, — мама всегда любила его маленькие сюрпризы, а сегодня утром сын рассчитывал получить вознаграждение. И очень надеялся, что мать не обманет его ожиданий.

Томас остановился перед ее спальней. Все внутренние двери в доме смотрелись величественно: были обшиты

деревянными панелями и белым атласом, имели хрустальные ручки. Но эта дверь на втором этаже, находившаяся прямо напротив последнего марша лестницы с резными перилами, выглядела царственнее всех остальных, что подчеркивал также стоявший на лестничной площадке бронзовый бюст его матери. Даже по прошествии стольких лет эта женщина по-прежнему приводила Томаса в священный трепет.

Правда, случались дни, когда ему хотелось швырнуть в нее подносом и закричать: «Отпусти меня!»; но сегодня он пребывал в ином настроении.

Томас посмотрел на часы, дождался, когда секундная стрелка завершит круг, и ровно в десять тридцать вошел в спальню матери.

Томас бодрствовал всю ночь, сидел перед компьютером, путешествуя по мировому киберпространству: отдыхать он отдыхал, но спал редко. По ночам Томас обычно играл в шахматы с человеком по имени Юрген Юргенс из Клируотер-Спрингс, что в штате Флорида, или делился своими размышлениями о внеземных цивилизациях с участниками тематического чата в Сан-Франциско, или обсуждал череду загадочных смертей с автором статей из журнала «Фортиан таймс». Он просмотрел письма с нескольких медицинских сайтов, на чьи новости был подписан, обменялся рецептами с женщиной, живущей на берегу Чесапикского залива, изучил изменения на фондовых биржах по всему миру, заглянув на сайты соответствующих компаний, составил диаграмму роста акций в портфеле матери. Каждое утро он подкармливал ее брокера свежей информацией.

Его ай-кью равнялся 178.

Томас неслышно прошел по ковру, не в силах оторвать взгляд от лица матери; сердце его наполнилось восторгом и... еще одним, прямо противоположным чувством, с которым он боролся всю жизнь. Он поставил поднос на столик в изножье большой кровати с балдахинном, отодвинул

белое кружево и занавес из дамаста, потом закрепил его шнуrom с кисточкой на конце. В спальне пахло духами «Шанель» и маминой одеждой. Это были запахи его детства. Запахи его жизни.

Взволнованный, Томас уставился на мать.

Ее светлые волосы, разметавшиеся по подушке, сияли, словно лучи солнца. Сын знал, что она не откроет глаза и не пошевельнется, пока он не поцелует ее, хотя уже наверняка не спит. Такая у них была игра.

И эти драгоценные секунды, когда она лежала по утрам, вся такая умиротворенная, такая милая и красивая, а он стоял и молча восхищался ею, — эти мгновения были жемчужинами его жизни.

Томаса охватил восторг. Мама сохранила красоту и в пятьдесят девять лет... ну просто ангельское видение. Ее бледное лицо — оно всегда было таким по утрам — сегодня казалось особенно бледным и чистым. Она была само совершенство, на такой изящной красоте и зиждется мироздание.

— Доброе утро, мамочка, — сказал Томас и подошел, чтобы поцеловать ее.

Мать никогда не открывала глаза до поцелуя. И сегодня утром ее глаза тоже оставались закрытыми.

Он только теперь заметил пустые блистеры от таблеток, разбросанные по полу у кровати. Пустой стакан на тумбочке.

Томас почувствовал, как внутри у него все вдруг оборвалось. Еще не успев наклониться, он понял: случилась беда. Вчера мама пришла домой расстроенная. У нее болела голова, и она рано легла.

Его губы ощутили холод ее щеки, вялость кожи. Словно податливое тесто, которое прогибается, если на него надавить, и не возвращается к прежней форме.

— Мамочка? — Он услышал собственный голос и не узнал его.

На полу у кровати стоял пустой пузырек без крышки.

— Мамочка?

От паники у него помутилось в глазах, пол вдруг поднялся, комната качнулась, словно на океанской волне. Он обнял маму, попытался пошевелить ее и приподнять, но она окоченела, словно кусок мяса из морозилки.

Томас пронзительно вскрикнул, взял с пола пустую упаковку, попытался прочесть название лекарства, но перед глазами у него все расплывалось. Покрутил в руках пузырек, но и надпись на нем разобрать тоже не смог. Тогда он бросился к телефону, чуть не упал, схватил трубку и набрал 999.

— «Скорая»? — выпалил он, назвал адрес и номер телефона, а потом, перемежая слова отчаянными всхлипами, зачастил: — Пожалуйста, пришлите машину к моей матери! Глория Ламарк, актриса! Глория Ламарк. Глория Ламарк! Пожалуйста, пожалуйста, приезжайте поскорее! Она приняла слишком большую дозу лекарства.

Томас уронил трубку. Она упала на ковер, потом подскочила, повисла на проводе.

Диспетчер спокойно говорила ему:

— «Скорая» уже выехала. Пожалуйста, оставайтесь на линии, сэр. И постарайтесь ответить на мои вопросы. Пульс у нее прощупывается? Дышит она нормально? Вы в курсе, что именно она приняла? Как давно? Она лежит на спине? Если на спине, то, пожалуйста, поверните ее на бок. Вы не знаете, она принимала лекарства вместе с алкоголем? Успокойтесь, сэр: пока я говорю с вами, «скорая» едет. Не могли бы вы собрать таблетки и показать их врачам? Пожалуйста, убедитесь, что ее дыхательные пути свободны.

Томас обнял мать за шею и теперь прижимал к себе, захлебываясь рыданиями, глотая обильные слезы. Пульс у нее не прощупывался, она не дышала — уже несколько часов как не дышала. Он слышал лишь голос диспетчера службы скорой помощи — далекое крохотное эхо. Томас в ярости схватил трубку.

— Я, вообще-то, учился на медицинском факультете, ты, безмозглая сучка!

Он бросил трубку и снова прижал мать к себе.

— Мамочка, не поступай так со мной! Ты же обещала, что никогда меня не оставишь! Вернись, пожалуйста, вернись, ты должна вернуться!

Он прижал губы к ее рту и постарался открыть его, но тот оставался закрытым, наглухо закрытым. Запертым на замок.

А ключи она выбросила.

Девушка улыбалась Майклу сквозь широкий прямоугольник звуконепроницаемого стекла, который разделял тесную радиостудию и не менее тесную аппаратную.

Девушку звали Аманда Кэпстик. Она работала продюсером независимой телевизионной компании, которая снимала документальный фильм о психиатрах. Двадцать девять лет, ниспадающие на плечи светлые волосы, хошенькое личико и лукавая улыбка, которая проникает в самое его сердце.

Аманда стала первой женщиной, на которую Майкл Теннент взглянул дважды после того, как умерла его жена Кейти. А с тех пор прошло уже целых три года.

Он догадывался, почему так произошло: Аманда была немного похожа на Кейти, хотя внешне, казалось бы, являла собой совершенно иной тип. Кейти при росте пять футов девять дюймов отличалась стройностью и классической красотой. Аманда же была на добрых шесть дюймов ниже, а фигурой напоминала девчонку-подростка. И все же, когда она позвонила и попросила уделить ей полчаса, а на следующий день — это было три недели тому назад — пришла к нему в кабинет, искра снова затеплилась в сердце Майкла, хотя он и думал, что она давно уже погасла.

Кейти умела его развеселить. И Аманда тоже, по крайней мере один раз она вызвала у него улыбку.

Томас попытался не замечать девушку напротив, решив сосредоточиться на звонивших ему радиослушателях, но вдруг понял, что сегодня делает все ради Аманды Кэпстик, которая сидит за звуконепроницаемым стеклом в джин-

совом костюме и белой футболке, со стильными часами на запястье.

Она стала его аудиторией. Стала еще три недели назад, хотя сегодня он и видел ее в первый раз после той коротенькой встречи. И сегодня только ее присутствие, и ничто другое, позволило Майклу забыть, пусть и на короткое время, тот кошмар, который начался со звонка одного из помощников коронера Вестминстера.

Аманда Кэпстик смотрела на сторбившегося над своим пультом психиатра в огромных наушниках, видела выражение его лица, частично закрытого микрофоном — шаром из серой резины: глубоко сосредоточенное и серьезное, ну сли-и-ишком серье-е-езное. Доктор Теннент был красив: сквозь мужественный зрелый облик временами отчетливо проглядывали мальчишеские черты; пожалуй, к сорока годам он достиг пика привлекательности, сочетающей все преимущества юности и среднего возраста.

И одевается он соответствующим образом: костюм вроде бы непримечательный, но с модным воротником и ярким галстуком. Темно-каштановые волосы аккуратно зачесаны назад и зафиксированы с помощью геля; небольшие овальные очки в черепаховой оправе некоторые сочли бы претензией на моду, но Тенненту они придавали вид интеллектуала и... некий оттенок авантюризма.

«Ты прекрасно вступишь в мой документальный фильм», — думала Аманда. Ей импонировал этот обязательный, знающий себе цену человек. Но особенно девушке нравилась его открытость, полное отсутствие высокомерия. Столько врачей, а в особенности психиатров, уставали от своей профессии. Они, казалось, теряли интерес к пациентам, достигнув определенного предела, при котором удовлетворялись приобретенными знаниями и не желали двигаться дальше.

Доктор Теннент явно был другим. Как странно он улыбается, словно бы преодолевая какое-то внутреннее сопротивление, нарушая некий запрет. Аманда изучила

его биографию и выяснила, что три года назад он потерял в автокатастрофе жену, — возможно, все еще скорбит по ней.

Еще она знала, что помимо этой программы, которая выходила в эфир на «Ток-радио» каждую среду, с семи до восьми часов вечера, доктор Теннент также вел еженедельную колонку по психиатрии в «Дейли мейл». Его особенно интересовали две патологии: обсессивно-компульсивное расстройство и дисморфофобия (научное название того, что журналисты именуют синдромом воображаемого уродства). Теннент регулярно мелькал в прессе и на телевидении: либо просто высказывал свое мнение, либо выступал в качестве эксперта на судебных слушаниях.

Три дня в неделю он принимал частных пациентов в Шин-Парк-Хоспитал близ Патни, а еще два — работал с пациентами, которых исследовали психиатры в Принцесс-Ройял-Хоспитал, больнице при Высшей медицинской школе. В упомянутом учебном заведении Теннент был почетным профессором. Он имел репутацию филантропа: делал пожертвования в пользу общественных организаций, оказывающих помощь людям, которые страдали фобиями и расстройствами. И еще он всегда шел навстречу больным: был готов снизить плату за свои услуги, если пациент не мог получить помощь Национальной службы здравоохранения или оплатить страховку.

Майклу так и не удалось узнать секрет, как устроиться поудобнее в этой студии-живопырке. Тут либо стояла такая жара, что с него пот катил градом, либо от усиленно работающего кондиционера начинали слезиться глаза. Плохо пригнанные наушники постоянно соскальзывали. Кофе с каждым днем, казалось, становился слабее, а одноразовые стаканчики все сильнее воняли пластмассой. Да еще вдобавок у Майкла постоянно возникало искушение щелкнуть одним из выключателей пульта; ему стоило немалого труда не отвлекаться на качающиеся стрелочки — индикаторы громкости, не прикасаться к микрофону или

к пульту, где висело написанное от руки предупреждение: «НЕ ВЫКЛЮЧАТЬ!»

Как правило, во время эфира Майкл не нервничал: просто расслаблялся, настраивался на работу и делал все, что в его силах, чтобы помочь людям в стрессовой ситуации, которые не знали, к кому еще обратиться за помощью. Но сегодня вечером его отвлекала Аманда. И еще доктор Теннент никак не мог выкинуть из головы страшную новость: одна из его пациенток, актриса, совершила самоубийство. Стало быть, он недоглядел, что-то упустил — Майкл чувствовал себя виноватым в случившейся трагедии.

Обычно ему казалось, что час передачи пролетал стремительно, но сегодня время ползло как черепаха. Вопросы задавали трудные, а он, пытаясь играть на публику и желая произвести впечатление на Аманду, утратил непосредственность и теплоту, обычно свойственные ему при общении с радиослушателями.

Но время эфира, слава богу, подходило к концу. И вот в последние десять минут ему досталась некая Мардж из Эссекса. Откровенно говоря, Майклу очень хотелось ее придушить. Она разговаривала с ним таким тоном, словно он был не известным врачом, а кассиршей, обсчитавшей ее в супермаркете.

Изо всех сил стараясь сохранять спокойствие, Теннент мягко произнес:

— Полагаю, Мардж, вам стоит еще раз перечитать ту книгу, что вы упомянули. Понятие «коллективное бессознательное» ввел Карл Юнг, а вовсе не Зигмунд Фрейд. Неплохо бы освежить свои знания.

— Я так не думаю, доктор Теннент, — раздраженно ответила радиослушательница. — И вы, кстати, так и не объяснили, что означает мой сон. Про выпадающие зубы. Ну, что это значит?

Редактор сказал ему в наушники:

— Закругляйтесь, Майкл, через шестнадцать секунд новости.

Майкл кинул взгляд на часы над головой Аманды Кэпстик — до семи и впрямь оставались считанные секунды.

— Это весьма распространенный сон, Мардж. Я подробно рассказывал о нем две недели назад. В жизни человека есть два периода, когда у него выпадают зубы. Сначала — молочные, что означает появление проблем, связанных со взрослением, в особенности проблемы ответственности. Другой период, — продолжал Майкл со злорадством, какого и сам от себя не ожидал, — тот, который вы, судя по вашему голосу, сейчас переживаете. Ваш сон символизирует страх перед старостью и всеми проблемами, которые она несет с собой: потерей привлекательности, угасания прежних способностей, наступления беспомощности. Иными словам, беззубости.

— Но Фрейд толкует это иначе, — возразила женщина.

В наушниках прозвучал голос редактора:

— Десять секунд.

— Наша передача подошла к концу, — сказал Майкл. — Надеюсь, что хоть немного вам помог.

Он щелкнул выключателем, снял наушники и почувствовал, как струйка пота бежит у него сзади по шее. Аманда Кэпстик снова улыбнулась ему из-за стеклянной перегородки, одобрительно подняв большой палец.

Майкл в ответ поморщился и пожал плечами, потом залпом допил остатки холодного кофе. Дверь открылась, и, торжественно кивая, вошел редактор Крис Бимиш — среднего роста, бородатый, с птичьими глазами, в которых застыло подозрительное выражение.

— Ну, как вам сегодняшняя передача? — Майкл каждую неделю задавал этот вопрос.

А Бимиш каждую неделю давал ему один и тот же ответ:

— А что, хорошо, я думаю, людям понравилось.

— Боюсь, что-то у меня сегодня не заладилось, — сказал Майкл. — Я был далеко не на уровне.

— Да нет, думаю, людям понравилось, — повторил Бимиш, выступая от имени предполагаемых трехсот восьмидесяти двух тысяч радиослушателей. Он вроде как считал себя их уполномоченным.

— Вы были просто великолепны, — сказала Аманда Майклу несколько минут спустя, когда они прошли мимо охранника в пустой вестибюль. — Вы очень доверительно разговариваете со слушателями.

— Спасибо, — улыбнулся Майкл. — Но сегодня был не мой день.

— Я бы хотела использовать часть вашей передачи в своем фильме. Вы позволите?

— Конечно.

— Мы могли бы попытаться сделать запись в живом эфире, чтобы уловить ваш непосредственный стиль общения. — Она помолчала, потом добавила: — А вы никогда не задумывались о создании собственного телевизионного шоу? Что-нибудь вроде «В кресле психиатра» Энтони Клера?

— Я не уверен, что теле- или радиопсихиатрия приносит людям пользу, — ответил он. — Откровенно говоря, у меня на этот счет сильные сомнения. Десять минут — это ведь очень мало. Даже получаса и то недостаточно. Иной раз мне начинает казаться, что я приношу таким образом больше вреда, чем пользы. Трудно обсуждать проблему, не видя лица пациента, его мимики и языка тела. Поначалу я думал, что подобная передача заставит людей с большим доверием относиться к психиатрии. А теперь вот боюсь, что ошибался.

Они подошли к двери. Майклу нравился аромат ее духов — изысканный, чуть терпкий. Еще несколько секунд — и Аманда уйдет, а он отправится домой, проведет еще один вечер в одиночестве, сунет в микроволновку какой-нибудь полуфабрикат, пощелкает пультом телевизора, или попытается погрузиться в чтение, или сядет писать очередную статью, или...

...А ведь надо еще составить отчет, который затребовал у него помощник coronера.

Майклу отчаянно хотелось задержать Аманду. Но он уже столько лет не флиртовал с женщинами, что давно растерял даже те скромные навыки, которые у него когда-то имелись. А вдруг она замужем?

Он украдкой кинул взгляд на ее руки, но обручального кольца не увидел. У нее были удивительно маленькие и худые руки, лак на ногтях облупился, словно она была из работяг, которые не слишком заботятся о своем внешнем виде. И это еще больше расположило его к Аманде. Майкл не любил безупречность. Слишком многие из его пациентов были перфекционистами. Он предпочитал людей с простыми человеческими слабостями.

— Может, зайдем куда-нибудь выпить? — предложил он, удивляясь тому, как непринужденно звучит собственный голос. — У вас есть время?

Их взгляды встретились. У нее были красивые глаза, ярко-синего цвета, необыкновенно живые. Аманда улыбнулась, посмотрела на часы, потом отвернулась и уклончиво произнесла:

— Спасибо, но у меня как раз на восемь часов назначена встреча. Извините.

— Нет проблем, — сказал Майкл, скрывая разочарование за веселой улыбкой и спрашивая себя, с каким же это счастливецем у нее свидание.

По пути домой он думал об Аманде, неспешно ведя свой «вольво» на юг, через мост Патни, а потом вверх по крутому склону улицы. Вспоминал ее улыбку за стеклом студии. Вспоминал взгляд, которым она одарила его на прощание. А ведь во взгляде этом определенно присутствовала симпатия.

Да, Аманда отвергла его предложение выпить, однако...

Показалось ему или в самом деле в ее отказе сквозила некоторая досада?

Ничего, будут и другие возможности. Они еще встретятся. Или... Черт побери, он может позвонить ей прямо завтра и попытаться счастья. Почему бы и нет?

«А вот интересно, доктор Майкл Теннент, чем ты можешь привлечь эту девушку? Ты на десять лет старше ее. Она молодая, эффектная, успешно делает карьеру — да весь мир у ее ног. А ты для нее всего лишь старпер на „вольво“».

Да и профессионал ты тоже не ахти какой. И доказательство тому — в сегодняшней утренней газете. Тебе остается только надеяться, что эта газета не попадет на глаза Аманде Кэпстик.

И тем не менее я ей понравился. Точно. По-настоящему понравился. Ну да, у нее была назначена на сегодня встреча, так что с того?»

Майкл решил, что позвонит Аманде завтра утром.

Откажет так откажет — ничего страшного.

2

9 июля 1997 года, среда

Никто и нигде не готовит нас к смерти. А между тем это следует включить в школьную программу. Однако учителя учат нас, что в прямоугольном треугольнике квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов. Я ношу эту ерунду в голове вот уже двадцать пять лет, но так ни разу и не воспользовался своим знанием. Нас учат, как спросить по-французски дорогу к ратуше. Но за тридцать семь лет, что я живу на свете, мне это ни разу не понадобилось.

Однако самому важному нас не учат: мы понятия не имеем, что будем чувствовать, когда умрет близкий человек. А ведь однажды это непременно произойдет с каждым из нас, как только что случилось со мной. И вот я остался один, и мне самому придется со всем справляться и думать, как жить дальше.

Похоже, существует целая последовательность эмоций, через которые нужно пройти. Потрясение. Отрицание. Гнев. Чувство вины. Подавленность.

Я испытал потрясение, зафиксировал его. Прошел через отказ принять случившееся. Поставил галочку и против этого чувства в списке. Теперь я переживаю гнев.

Я зол на многих людей. Но больше всего я зол на тебя, доктор Майкл Теннент.

Это ты убил мою мать.

З

«9 июля 1997 года, среда

Доктору Гордону Сэмпсону, коронеру Вестминстера, от доктора Майкла Теннента, доктора медицины, члена Научно-исследовательского совета по психиатрии.

ОТЧЕТ

Тема отчета: Глория Дафна Рут Ламарк, ныне покойная.

Глория Ламарк была моей пациенткой с марта 1990 года. До этого она систематически проходила лечение у моего коллеги, доктора Маркуса Ренни из Шин-Парк-Хоспитал, с 1969 года и вплоть до его ухода на пенсию в 1990 году. История болезни Глории Ламарк свидетельствует о том, что она постоянно наблюдалась у психиатров с 1959 года и принимала антидепрессанты (см. прилагаемый перечень).

Моя последняя встреча с пациенткой, состоявшаяся 7 июля, в понедельник, была абсолютно бесплодной. В последние месяцы я чувствовал, что она понемногу продвигается к осознанию своих трудностей и к принятию того факта, что по складу характера не отвечает требованиям, которые налагает на человека актерская профессия. И я пытался пробудить в ней интерес к другим занятиям, в особенности к благотворительности, поскольку в этой

сфере миссис Ламарк могла бы быть полезной обществу и, таким образом, вести полноценное существование.

По моему мнению, покойная была женщиной крайне неуравновешенной, страдала от психического расстройства, что мешало ей вести обычную социально активную жизнь и фактически превратило ее в затворницу. Упомянутое психическое расстройство начало развиваться у больной еще в детстве или в юности, а крах ее артистической карьеры в середине 1960-х годов определенно стал своего рода спусковым крючком, спровоцировав дальнейшее ухудшение ее состояния».

Майкл, находившийся в своем домашнем кабинете, перемотал пленку диктофона, прослушал начало отчета, а потом продолжил:

«Глория Ламарк сыграла главные роли (некоторые уже в статусе кинозвезды) в нескольких фильмах в конце 1950-х — начале 1960-х годов, однако перестала быть востребованной актрисой, когда ей не исполнилось еще и тридцати. Крах своей карьеры она объясняла рядом факторов. Рождением сына Томаса. Распадом брака. Интригами соперниц, в особенности актрисы Кору Берстридж, которая, по навязчивому убеждению пациентки, будучи завистницей и карьеристкой, просто из кожи вон лезла, чтобы погубить ее, и намеренно отбирала у нее лучшие роли в фильмах.

По моему мнению, главной причиной крушения карьеры покойной стало ее психическое расстройство. Она никак не могла принять реалии жизни или признать их существование. Глорию Ламарк отличало гипертрофированное самомнение, которое требовало постоянной подпитки и временами, когда ставились под сомнение ее таланты или способности, проявляло себя приступами насилия и неконтролируемой ярости, вплоть до нанесения физических травм другим людям.

Несколько раз покойная поднимала на приеме тему самоубийства, хотя, согласно моим записям, в послед-

ние два года этого не случалось. Имеются сведения, что она дважды предпринимала попытки суицида: в 1967-м и в 1968 году, после провала театральной постановки, с помощью которой она хотела вернуться в профессию. Пациенты, которые ранее уже покушались на собственную жизнь, относятся к зоне риска, и я не забывал об этом, работая с Глорией Ламарк. Однако, ввиду того, что оба раза дозы принятых больной лекарственных препаратов были незначительными, а также учитывая содержание оставленных ею записок и прочие сопутствующие обстоятельства, я пришел к выводу, что эти попытки были скорее криком о помощи, чем серьезным намерением действительно покончить с собой.

Закончив карьеру, Глория Ламарк имела возможность продолжать жить безбедно, поскольку унаследовала значительную часть недвижимости мужа, немецкого промышленника Дитриха Буха, который погиб, катаясь в горах на лыжах, еще до завершения бракоразводного процесса.

С середины 1960-х годов смыслом жизни покойной стал ее сын Томас, который вплоть до самой ее смерти проживал вместе с матерью; Глория Ламарк полностью, просто патологически зависела от него — как в эмоциональном, так и в социальном плане».

Майкл перестал наговаривать текст на диктофон. Его показания почти наверняка будут зачитываться в суде. Он должен подумать о чувствах молодого человека. Глория Ламарк редко говорила о своих отношениях с сыном, которого врач ни разу не видел, и эти отношения всегда беспокоили Майкла, но ему так и не удалось выудить из пациентки всю правду.

Насколько доктору Тенненту удалось выяснить, парня по какой-то причине выгнали из школы, и в детстве он долгие годы находился под наблюдением психиатра. Майклу казалось, что пациентка усиленно скрывает какой-то наличествующий у ее сына дефект; однако врач так и не смог понять, делает она это ради любимого мальчика или же с целью защиты собственной репутации.

В пятьдесят девять лет Глория Ламарк все еще была красивой женщиной. После того как муж бросил ее, у нее было несколько романов, но все они продолжались недолго, а когда сыну исполнилось лет тринадцать или четырнадцать, она и вовсе прекратила встречаться с мужчинами.

Теннент знал, что в детстве Томас Ламарк в основном учился на дому. Глория сообщила Майклу, что ее сын хотел стать врачом и поступил на медицинский факультет, однако вскоре (ему так и не удалось узнать, по какой именно причине это произошло) молодой человек бросил учебу и вернулся домой. Друзей у него вроде бы не было.

Майкл не сомневался: это следствие того, что Томас так и остался несамостоятельным — его поступками руководила мать. Неразумное собственническое чувство, подавляющее личность ребенка, не редкость для матерей, однако Теннент подозревал, что в данном случае дело зашло слишком далеко.

Глория всегда говорила ему, что Томас во всех отношениях идеален. Вполне характерное для нее представление: она могла произвести на свет лишь сплошное совершенство. У психиатра сложилось впечатление о ее сыне как о человеке безропотном, слабом, затюканном и неадекватном.

«Вот бедняга, каково-то ему теперь?» — спрашивал себя Майкл.

4

Ох уж это место. Лестница. Многоэтажная парковка. Серый железобетон. Использованные шприцы и разорванные упаковки от бургеров. Запах мочи. Лампы в потолке сквозь фильтр дохлых мух и пыли выдавливают из себя слабые лучи света.

Это место не вызывало у Тины Маккей особой неприязни по утрам, когда вокруг непременно были люди,

а естественного света хватало, чтобы разглядеть граффити. Другое дело по вечерам, в сумерках или темноте: декорации парковки распяляли воображение, вызывая самые разные мысли, которые ей хотелось прогнать прочь.

У Тины за спиной хлопнула дверь, заглушив рычание машин на улице Хай-Холборн своим пустым, раскатистым грохотом, и девушке показалось, будто она стоит внутри барабана. Потом, шарахаясь от каждой тени и невольно вспоминая газетные репортажи о расчлененных трупах, она стала подниматься по лестнице — надо было преодолеть пять пролетов. Именно этот отрезок дороги домой она ненавидела всей душой. Но сегодня Тине было о чем подумать, чтобы отвлечься от мрачных мыслей.

Сегодня она идет на свидание!

Тина прикидывала, что наденет, стоит ли помыть голову, и пришла к заключению, что времени на это уже нет.

Она продолжала перебирать в уме: сумочка, помада, духи. Туфли?

«Черт! Я забыла взять из ремонта черные замшевые туфли! Они бы идеально подошли к сегодняшнему наряду, а теперь придется срочно что-то придумывать.

Черт возьми, ну надо же было так лохануться!»

Кто-то выдернул из-под нее день, словно громадный ковер. Такое случалось нередко, время просто заканчивалось, груды рукописей копились, листы становились длиннее, и она не успевала отвечать на неуклонно растущее число звонков. Но сегодня Тина решила забыть обо всем этом. Сегодня она почти не боялась эха собственных шагов, обычно так пугавшего ее на пустой лестнице. Сегодня она думала о Тони (достопочтенном Энтони!) Реннисоне. О таком правильном, серьезном, интеллигентном мужчине, застенчивом и забавном.

Она явно ему нравилась.

И он ей тоже нравился. Обалдеть!

И внезапно Тина Маккей, которая всегда вела себя так, будто она старше, чем на самом деле, снова превра-

тилась в девчонку. Две недели назад, еще до их знакомства с Тони, прежде чем он в первый раз пригласил ее на свидание, она была тридцатидвухлетней женщиной, которая держалась так, будто ей все сорок два. Или, может, даже пятьдесят два.

У Тины, невысокой, коротко стриженной шатенки, было приятное лицо: простое, но не лишенное привлекательности. Благодаря манере одеваться и держать себя она производила на окружающих впечатление очень надежного человека. Люди инстинктивно доверяли Тине: в школе она неизменно была старостой, а теперь стала шеф-редактором «Пелхам-Хауса», одного из крупнейших лондонских издательств. Она основательно перешерстила отдел беллетристики и обновила перечень выпускаемых там книг, а теперь вплотную занялась переживавшими кризис научно-популярной и документальной литературой.

Но сегодня Тина чувствовала себя школьницей, и бабочки в ее душе все сильнее махали крылышками с каждым шагом, приближавшим ее к машине, к дому.

К свиданию.

Принадлежавший Тине «гольф» со сломанным глушителем стоял на своем месте в дальнем углу, его багажник торчал под гигантской трубой отопления, которая в сумерках походила на какое-то притаившееся в засаде хищное животное. Автомобиль приветствовал появление хозяйки резким гудком и подмигиванием фар. Тина немного удивилась, когда, открыв дверь машины, увидела, что лампа в салоне не загорелась.

Она села, пристегнулась ремнем безопасности. Но когда вставила ключ в замок зажигания, внезапно открылась задняя дверь, и какая-то высокая фигура уселась на пассажирское место.

Мужской голос, отрывистый и уверенный, где-то совсем рядом, в считанных дюймах от ее лица, произнес:

— Помните меня?

Она замерла.

— Я Томас Ламарк. — Мужчина говорил так, будто у него во рту перекатывался ледяной кубик. — Ну что, вспомнили?

«Господи боже! — подумала Тина, пытаясь сообразить, что происходит. В машине сильно пахло одеколоном „Живанши“. Тем же одеколоном пользовался и тот, кто пригласил ее на свидание. — Неужели это Тони придумал какой-то розыгрыш? Нет, голос другой». Низкий голос звучал спокойно и уверенно. В нем слышалась холодная красота. Леденящая, почти поэтическая.

Пальцы девушки нащупали дверную ручку.

— Нет, — ответила она. — Извините, но не припоминаю.

— Вы должны помнить мое имя. Томас Ламарк. Вы отвергли мою книгу.

Никого поблизости не было. Охранник сидел в будке пятью этажами ниже.

— Вашу книгу?

Лица собеседника Тина не видела: говорила с силуэтом — высоким, стройным силуэтом.

— Да, вы ее отвергли.

— Извините, — сказала она. — Я... ваше имя ничего мне не говорит. Томас Ламарк?

— Вы еще написали мне письмо. Оно у меня с собой.

Тина услышала шуршание бумаги, потом его голос:

— «Уважаемый мистер Ламарк! Спасибо, что прислали нам рукопись своей книги „Авторизованная биография Глории Ламарк“. После внимательного прочтения мы вынуждены с сожалением сообщить Вам, что не сможем ее опубликовать. Надеемся, что в других издательствах Вас ждет успех. Искренне Ваша, Тина Маккей, шеф-редактор».

Наступило молчание. Тина прикидывала, есть ли у нее шансы открыть дверь и броситься наутек.

— Это ваше сожаление, Тина, оно искреннее? Вы и вправду сожалеете? — спросил он и добавил: — Мне нужно знать. Для меня это очень важно.